

ПРАВОСЛАВНЫЕ БАСКАКИ:

ФЕНОМЕН РУССКО-ОРДЫНСКОЙ КОНТАКТНОЙ ЗОНЫ

Рикардо Феликсович Иглесиас

Институт всеобщей истории РАН

Аннотация. В статье всесторонне рассматривается явление православного баскачества, его хронология, обстоятельства появления, региональные особенности. Особое внимание уделяется спорным вопросам и неоднозначным толкованиям фактов и событий. Обстоятельно освещается вопрос о раннем появлении баскака в галицком Понизье (Бакоте). Показано значение Повести о Петре царевиче Ордынском для изучения инструментов влияния Золотой Орды в русских княжествах и возможных параллелей с баскачеством. Дана оценка введенного недавно в научный оборот известия о Георгии Баскаке. Уточняются ранее сделанные выводы о возможности существования боровских баскаков. Обосновываются новые географические границы Червленого Яра (в продолжении статьи).

Ключевые слова: баскаки, Бакота, Понизье, Милей, царевич Петр Ордынский, Золотая Орда, Боровск, буферные зоны

«238 лет монголо-татарского господства над Русью, казалось бы, должны были оставить многочисленные свидетельства о системе чужеземной власти в покоренных русских княжествах, но этого нет. Сохранились яркие описания карательных и репрессивных действий <...>, но сведения об организации, структуре, функциях, круге прав и обязанностей иноземных властителей приходится собирать буквально

но по круплицам»¹. Это в высшей степени справедливое заключение в полной мере можно отнести к формированию исторических представлений об одном из ключевых элементов монгольского (татарско-го) аппарата управления, эксплуатации и контроля в землях Древней Руси — должности баскака.

Хорошо памятная каждому со школьной скамьи, упоминаемая в сотнях научных, популярных, учебных, литературных произведений, фигура баскака обманчива своей кажущейся «интуитивной» понятностью. Недостаточно ясными, во многом спорными остаются такие первостепенные вопросы функционирования баскачества на Руси, как время появления баскаков, их территориальное распределение, круг обязанностей, присутствие рядом с ними значительных вооруженных отрядов, наличие определенной «глубины» баскаческих структур, иерархия баскаков, материальное обеспечение их должности, время и обстоятельства исчезновения, соотношение с более поздними «дарагами»².

Одной их частных сторон баскачества, на которую до сих пор не было обращено специальное внимание исследователей, является чрезвычайно любопытный феномен православных баскаков, т. е. тех лиц, занимавших, согласно показаниям источников, баскаческую должность³, чьи имена и обстоятельства биографии, а иногда и непосредственный контекст упоминаний о них говорят об их принадлежности к православной церкви.

1. Кучкин В.А. Летописные рассказы о слободах баскака Ахмата // Средневековая Русь. Вып. 1. М., 1996. С. 5.
2. Обзор отечественной историографии по проблеме баскачества см.: Маслова С.А. Баскаческая организация на Руси: Время существования и функции // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 1. С. 27–32, ср. С. 37. Как резюмирует автор статьи, в историографии доминирует мнение о баскаках как наместниках хана, а их основной обязанности считается обеспечение сбора дани (Там же. С. 32).
3. Удивляет та вольность, с которой многие историки называют любого упоминаемого в летописи важного монгольского чиновника или посланца баскаком, часто безо всяких на то оснований. В этом, видимо, проявляется запавшая глубоко в подсознание привычка видеть в баскаке представителя монгольской власти *par excellence*.

I

Наиболее раннее прямое упоминание баскака на Руси содержится в Галицко-Волынской летописи, в известии, относящемся, по-видимому, к зиме 1252/53 гг.⁴: «<...> приехавше татаре къ Бакотѣ⁵, и приложися Милей к нимъ, Данилови же пошедшу на воину на Литву на Новѣгородокъ, бывшую Роскалью, посла сына си Лва на Бакоту, послав Левъ дворянского предъ собою; изъехавше яша Милѣя и Баскака⁶, и приведе Левъ Милѣя отцу си, и бысть паки Бакота королева, отца его; по томъ же здумавъ съ сыномъ си, и отпусти [и], а поручникъ бысть Левъ, яко вѣрну ему быти; и паки приехавшим татаромъ, и сътвори леств и предасть ю паки татаромъ Бакоту»⁷. Милей, по-видимому, был наместником галицкого князя в Бакоте⁸, больше он нигде не упоминается, и его имя только раз соседствует со словом «баскак». Более того, вышеупомянутое известие остается единственным упоминанием о баскаках во всей Галицко-Волынской летописи, доводящей свое изложение до конца XIII в.

4. Грушевський М.С. Історія України-Руси. Торонто, 1954. Т. 3. С. 84; *він само*. Хронологія подій Галицько-волинської літописи // Записки наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1901. Т. 41. С. 38; Котляр Н.Ф. Галицко-Волынская летопись (источники, структура, жанровые и идейные особенности) // Древнейшие государства Восточной Европы. 1995 год. М., 1997. С. 130; Хрусталеv Д.Г. Русь от нашествия до ига (30–40 гг. XIII в.). СПб., 2008. С. 253–254 и прим. 664; *Dąbrowski D. Daniel Romanowicz Król Rusi (ok. 1201–1264). Biografia polityczna. Kraków, 2012. S. 332, prz. 875, s. 331, prz. 871. Возможны и иные датировки, с расхождением в один-два года.*
5. Бакота — город на Днестре, центр галицкого Понизья.
6. Прописная буква в тексте издания, хотя в комментарии (ссылку см. ниже) речь идет определенно о названии должности (текст комментария в русском и украинском изданиях практически идентичен).
7. Галицко-Волынская летопись: Текст. Комментарий. Исследование / Ред. Н.Ф. Котляр. СПб., 2005. С. 128; Галицько-Волинський літопис: Дослідження. Текст. Коментар / Ред. М.Ф. Котляр. Київ, 2002. С. 117.
8. В комментариях к названным изданиям он назван воеводой, а в указателе, вопреки принятому издателем чтению, еще и баскаком (Галицко-Волынская летопись. С. 297, 381; Галицько-Волинський літопис. С. 284, 378). О разных предположениях о происхождении и социальном статусе Милея см.: Галицко-Волынская летопись. С. 297; Галицько-Волинський літопис. С. 284, 285. Все они остаются гадательными.

Таково чтение Хлебниковского списка, долгое время оставшегося неопубликованным полностью⁹. Первое издание летописи комбинировало в основном тексте чтения разных списков, оговаривая это каждый раз в подстрочных примечаниях. В интересующем нас месте издатели выбрали вариант Хлебниковского списка, с союзом «и», отдав ему предпочтение перед положенным, как правило, в основу публикации Ипатьевским списком¹⁰. Однако в издании Археографической комиссии 1871 г., выполненном по Ипатьевскому списку, и в повторном издании той же летописи в серии ПСРА вместо «Милѣя и баскака» читается «Милѣя баскака», с указанием в подстрочнике варианта двух других списков, в которых союз «и» присутствует¹¹. Вариативность данного места летописи дала основание многим историкам считать Милея баскаком, назначенным татарами на эту должность вскоре после занятия ими Бакоты¹². Однако большинство

9. В печатном виде текст Хлебниковского списка был доступен в подстрочных вариантах: ПСРА. СПб., 1843. Т.2: III. Ипатьевская летопись; Летопись по Ипатьевскому списку / Изд. Археограф. комис. СПб., 1871; ПСРА. СПб., 1908. Т. 2: Ипатьевская летопись. 2-е изд.; ПСРА. Пг., 1923. Т. 2: Ипатьевская летопись. 3-е изд. Вып. 1. Этот список, один из двух основных списков Ипатьевской летописи, моложе Ипатьевского, но лучше сохраняет ряд чтений общего протографа (*Лихачева О.П. Летопись Ипатьевская // Словарь книжников и книжности Древней Руси. А., 1987. Вып. 1. С. 236*).
10. ПСРА. СПб., 1843. Т.2. С. 191.
11. Летопись по Ипатьевскому списку. С. 550; ПСРА. СПб., 1908. Т. 2. Стб. 829. Последнее относится только к изданию 1908 г. В публикации 1871 г. это важное различие оказалось пропущенным и варианты не были подведены. Тем самым, в археографии разбираемого здесь фрагмента летописи был сделан шаг назад, исправленный лишь три с половиной десятилетия спустя.
12. отождествляют Милея и баскака, например: *Паушто В.Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 96, 226, 282; Очерки истории СССР. М., 1953. Т. 3: Период феодализма (IX–XV вв.). Ч. 1. С. 854, 902; Черепнин Л.В. Монголо-татары на Руси (XIII в.) // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977. С. 202; Егоров В.А. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985. С. 36; Войтович Л.В. Княжа доба: портрети еліти. Біла Церква, 2006. С. 498; *він само*. Галицько-волинські етюди. Біла Церква, 2011. С. 293, 410; *він само*. Галич у політичному житті Європи XI–XIV століть. Львів, 2015. С. 76 (но ср. с. 330 и ниже в этой сноске); *Гальперин Ч.* Татарское иго: Образ монголов в средневековой России. Воронеж, 2012. С. 65; *Юсупович А.* «На двое будушу». Баскаки в Галицком княжестве в XIII в. // Князівства Галицької і Волинської земель в міжнародних відносинах XI–XIV століть. Краків, 2012. С. 87–89.*

авторов не только не обсуждали этот вопрос, но даже не сообщали об указанном разночтении.

Контекст летописного известия дает мало оснований для надежного выбора между двумя вариантами. Н. Молчановский высказался в пользу чтения «Милѣя и баскака» по соображениям общеисторического и этнокультурного характера, ссылаясь на несовместимость баскаческой должности с носителями местного традиционного авторитета (подобный статус Милея автор доказывает отдельно), а с текстологической точки зрения — на внезапное и немотивированное появление слова «баскак» при имени Милея¹³. М.С. Грушевский приводит в поддержку чтения с «и» стилистический аргумент, обращая внимание на то, что повтор имени Милея после известия о его пленении был бы излишним, если бы он и баскак были одним и тем же лицом: далее по тексту Милей обозначен только местоимением¹⁴.

Среди авторов, различающих Милея и баскака: *Грушевський М.С.* Історія України-Руси. Торонто, 1954. Т. 3. С. 84; *Насонов А.Н.* Монголы и Русь. История татарской политики на Руси // *Он же.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. Историко-географическое исследование; Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. СПб., 2006. С. 233, прим. 1; *Ждан М.Б.* Україна під пануванням Золотої Орди // Український історик. 1970. № 01-03. С. 84; *Котляр М.Ф.* Данило Галицький. Біографічний нарис. Київ, 2002. С. 319; *Почекаєв Р.Ю.* Батый. Хан, который не был ханом. М.; СПб., 2007. С. 197; *Черкас Б.В.* Західні володіння Улусу Джучи: політична історія, територіально-адміністративний устрій, економіка, міста (XIII–XIV ст.). Київ, 2014. С. 96; *Войтович Л.В.* Галицько-Волинське князівство і королівство Русі та монголи // Проблеми історії війн і військового мистецтва. Львів, 2019. Вип. 2. С. 89; *Стефанович П.* Политическое развитие Галицко-Волынской Руси в 1240–1340 гг. и отношения с Ордой // Российская история. 2019. № 4. С. 125.

Встречающееся иногда мнение, что сидевший в волынском Кременце приблизительно в одно время с Милеем некий Андрей (Ипатьевская летопись говорит о нем сразу после рассказа о Милее) также был баскаком (*Григорьев А.П.* Сборник ханских ярлыков русским митрополитам: Источниковедческий анализ золотоордынских документов. СПб., 2004. С. 24; *Камалов И.Х.* Золотая Орда и русский улус (татарское влияние на Россию) / Пер. с турец. И.М. Миргалеев. Казань, 2016. С. 137), лишено оснований в источниках и представляет собой аналогию с предполагаемым баскачеством Милея.

13. *Молчановский Н.* Очерк известий о Подольской земле до 1434 г. Киев, 1885. С. 151–152, прим. 1.
14. *Грушевський М.С.* Історія України-Руси. Т. 3. С. 84, 85, прим. 2.

Д. Домбровский, признавая практическую неразрешимость вопроса, осторожно высказывался за отождествление баскака с Милеем, поскольку не находил объяснения молчанию летописи о дальнейшей судьбе пленного баскака¹⁵. Укажем, со своей стороны, еще один довод в пользу предполагаемого тождества. Так как Милей не назван баскаком ни при первом, ни при последнем своем упоминании в летописи, а с другой стороны, баскак не только не называется по имени, но и возникает в повествовании летописца лишь на миг, без малейшей попытки прокомментировать его появление и роль, логически можно прийти к заключению, что Милей получил должность баскака в награду сразу после сдачи им Бакоты и уже в этом новом качестве был пленен Львом, но затем вновь отпущен и восстановлен в прежней своей должности, ввиду чего назначение баскаком, с галицкой точки зрения, утратило силу. К сожалению, летописец лишь кратко упоминает о новой измене Милея, не касаясь дальнейших событий в Бакоте¹⁶, ввиду чего невозможно сделать правомерный вывод из сопоставления двух упоминаний о пребывании Милея в этом городе. Тем более невоз-

15. *Dąbrowski D. Daniel Romanowicz Król Rusi. S. 332, prz. 873.* Тем не менее, в своей последующей монографии тот же автор встал на точку зрения, различающую Милея и баскака, сославшись на то, что Милей управлял Бакотой и до, и после своего пленения, «[м]ежду тем, Романовичи, как известно, не использовали систему баскачества»: *Idem. Król Rusi Daniel Romanowicz. O ruskiej rodzinie książęcej, społeczeństwie i kulturze w XIII w. Kraków, 2016. S. 300.* К этому, не вполне ясному для нас, доводу польский историк прибавляет другой: все списки летописи, кроме Ипатьевского, дают чтение с союзом «и» (*Ibid.*, prz. 1044). При этом упускается из виду тот факт, что все перечисленные рукописи зависимы от Хлебниковской: ПСРА. Т. 2. 3-е изд. Вып. 1. С. [1]; *Лихачева О.П. Летопись Ипатьевская. С. 236.* Следовательно, чтения обоих основных списков текстологически равноценны.
16. Но ср.: *Арістов В. Як не ходив на Галич князь Ізяслав у 1250-х роках // Academia. Terra Historiae. Студії на пошану Валерія Смолія. Київ, 2020. Кн. 2. С. 458, 459.* Здесь же автор излагает свои аргументы в пользу различия баскака и Милея: местное (славянское) происхождение Милея и неподсудность баскака князю. О возможном происхождении Милея будет сказано далее. Что касается второго довода, следует отметить, что Даниил мог судить Милея как нарушившего верность вассала или просто пленного врага, проигнорировав его назначение баскаком, подобно тому как игнорировались им властные полномочия знатного нойона Куремсы.

можно сказать, насколько такого рода филологические наблюдения над текстом соответствуют стоящим за ним реальным фактам.

Столь раннее назначение на баскачество представителя покоренного населения не имеет параллелей в русских известиях. С другой стороны, если представить Милея, например, одним из болоховских князей¹⁷, злейших врагов Даниила Галицкого в эти годы, передача ему (временно?), надзорно-полицейских функций и прямого контроля над частью Галицкой земли не выглядит невозможной. Однако подобное предположение не объясняет ни пребывания Милея на службе у Даниила, ни поручительства за него Льва Даниловича, ни мягкого обращения с ним уже после совершенной измены и повторного назначения в ту же стратегически важную порубежную крепость¹⁸.

Вопрос о тождестве Милея и баскака не может быть убедительно разрешен при нынешнем уровне научных представлений об истории галицко-ордынских взаимоотношений. Сама причастность Милея к православию не вытекает с достаточной ясностью из его имени. Если в случае его принадлежности к галицкому боярству или служилым слоям вероисповедание едва ли может вызывать сомнение, то иная этническая атрибуция не исключает и язычества Милея¹⁹. Таким образом, причисление Милея к категории православных баскаков остается чрезвычайно проблематичным.

По сообщению так называемой «Повести о Подолии», некто Дмитрий был одним из «отчичей и дедичей Подольской земли»,

17. *Зубрицкий Д.* История древнего Галицко-русского княжества. Львов, 1855. Ч.3. С. 178; Галицко-Волинський літопис. С. 284, 285. М.С. Грушевский отдает предпочтение идее, что это был «якийсь місцевий старшина, „старець градський“», вдохновленный примером болоховцев, восставших против княжеской власти и призвавших на помощь татар (*Грушевський М.С.* Історія України-Руси. Т. 3. С. 84, 85). Схожую концепцию отстаивал Н. Молчановский (*Молчановский Н.* Очерк известий... С. 149–152).
18. Те же аргументы, но толкуемые именно в пользу независимого от князя статуса Милея, см.: *Молчановский Н.* Очерк известий... С. 149–151.
19. Н. Молчановский сопоставляет имя Милей с летописными именами черных клобуков и половцев (Бедяй, Козей, Кунчей, Мамшей и др.): Там же. С. 150, прим. 1. Возможна также славянская (русская) этимология. Хотя в словарях древнерусских имен такое имя отсутствует, фиксируется ряд близких аналогов (Милец, Милуй, Миляй, Миля и др.): *Dąbrowski D.* Daniel Romanowicz Król Rusi. S. 332, prz. 872.

чи баскаки собирали с этой земли дань²⁰. Если названный Дмитрий был христианином²¹, то и среди назначаемых им баскаков могли быть люди, принявшие крещение (впрочем, не обязательно православное). Увы, летопись не сообщает ни имен этих баскаков, ни их числа, ни какой-либо дополнительной информации о них.

II

Исследование о развитии русско-татарских взаимоотношений не может пройти мимо Повести (по самоназванию — Жития) о Петре, царевиче ордынском. Это произведение не содержит, как будет показано ниже, прямых и бесспорных сведений о баскаках, однако оно дает представление об одном из ранних ареалов интенсивного культурно-политического симбиоза, плодом которого является двойная идентичность, ищущая институциональной легитимации одновременно (или попеременно) на Руси и в Орде. Хронологическое приурочение данного памятника до сих пор остается спорным²². Датировка В.О. Ключевского, относившего создание житийной повести к первой половине – середине XIV в. (после 1322 г.)²³, не вызывала возражений до середины прошлого века, когда в работах М.О. Скрипицы была предложена гораздо более поздняя дата — вторая половина – конец XV в.²⁴, — нашедшая немало приверженцев. Выводы В.О. Ключевского о времени написания первоначального варианта

20. ПСРЛ. СПб., 1907. Т. 17. С. 81–82 и др.; М., 1980. Т. 35. С. 74 и др.

21. Обзор новейшей историографии относительно происхождения, конфессиональной принадлежности и подлинного имени Дмитрия см.: *Пилипчук Я.В.* Эмир Дмитрий. Улус Джучи и Центрально-Восточная Европа в XIV веке // Золотоордынская цивилизация. 2014. № 7. С. 297.

22. Обзор мнений см.: *Белякова М.М.* «Повесть о Петре, царевиче ордынском» в историко-литературном контексте (к вопросу о датировке произведения) // ТОДРА. СПб., 1993. Т. 46. С. 74–76, 86.

23. *Ключевский В.О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1988. С. 39, 42.

24. *Будовниц И.У.* Общественно-политическая мысль Древней Руси: XI–XIV вв. М., 1960. С. 343.

повести поддержали А.Н. Насонов и И.У. Будовниц²⁵, совсем невольно — Г. Ленхофф²⁶. Не отвергали XIV ст. как время появления устного сказания о царевиче Петре и Ф.И. Буслаев²⁷, а во второй половине XX в. — участники Славянского семинара Свободного университета Берлина²⁸. Яркая выраженная протатарская тенденция памятника, подмеченная многими исследователями, подчеркнутая в его тексте неизбежность властных прерогатив и судебного авторитета ханских эмиссаров говорят скорее в пользу более ранней даты, еще до упалка Орды во второй половине XIV в. Более раннее время фиксации лежащего в основе повести фамильного предания потомков царевича увеличивает его относительную достоверность, хотя уже тогда воспоминания о фигуре основателя рода, прошедшие через ряд поколений, были довольно неопределенными и противоречивыми, отстоя от описываемых событий на целое столетие.

Петр (тогда еще не названный по имени племянник, сын брата, «царя» Берке²⁹) переселяется в Ростов, под покровительство своего духовного наставника епископа Кирилла, согласно несколько противоречивой внутренней хронологии «жития», ок. 1260 г.³⁰ Приняв по прошествии некоторого времени святое крещение и став ктитором-основателем церкви Петра и Павла на берегу оз. Неро, Петр получает для своего храма земли и угодья от ростовского князя, который рещает женить царевича, подобрав ему невесту из своей княжеской волости. Здесь нас ожидает самое интересное. Имеющий несомненное политическое значение брак заключается не с ростовской

25. Там же. С. 343, 344; *Насонов А.Н.* Монголы и Русь. С. 263, 301.

26. *Ленхофф Г.* К истории Петра, царевича ордынского, и его ростовской вотчины // *Средневековая Русь.* М., 2020. Вып. 14. С. 118.

27. *Буслаев Ф.И.* Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. 2. С. 168. В своих расчетах Ф.И. Буслаев фактически следует за Ключевским и лишь неоправданно растянутый во времени счет смены поколений приводит его к более позднему, чем у последнего, *terminus post quem*.

28. См.: *Ленхофф Г.* К истории... С. 99.

29. Как известно, ни Батый, ни его сыновья, ни его брат Берке, не говоря о других братьях, ни их отец Джучи не носили при жизни ханского титула. Следовательно, именование Петра «царевичем», а Берке «царем» носит условно-ретроспективный характер.

30. *Ленхофф Г.* К истории... С. 110.

боярышней или княжной, как можно было бы ожидать, а с дочерью одного из осевших в Ростове ордынских вельмож: «Князь же поя ему от великих велможъ невѣсту, бѣша бо тогда в Ростовѣ ординьстии велможа»³¹. Достоверность этого сообщения поддержали М.О. Скрипиль и И.У. Будовниц³², не вызвала она возражений и у других исследователей. К сожалению, ни каких-либо подробностей о деятельности названных вельмож, ни их имен, ни времени и причин появления в Ростове повесть не раскрывает. Видимо, это всё, что запомнила о них легенда. В списках Минейной редакции «жития» Петра (XVI в.) добавлено, что отец невесты «преже бяше въ веру пришедь»³³. Это сообщение, появившееся в тексте редакции, обильно снабженной агиографическими прикрасами и полностью зависимой от приведенного выше текста Основной редакции, вряд ли можно признать заслуживающим доверия.

Давно отмечены тесные политико-династические связи ростовских князей с Ордой, обильно отразившееся в топонимике Ростовской земли присутствие баскаков, а также наличие в ней татарской колонии³⁴. Топонимы и археологические находки свидетельствуют об особой концентрации татар в пределах Ростовского княжества в Карашской волости-слободе, неподалеку от которой располагались и владения Петровского монастыря³⁵.

31. БДР. СПб., 2006. Т. 9. С. 78; Православный собеседник. 1859. Ч. 1. С. 370; *Ленhoff Г. К истории...* С. 124; *Буслаев Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства.* СПб., 1861. Т. 2. С. 161.
32. *Будовниц И.У. Общественно-политическая мысль.* С. 343; *Скрипиль М.О. Повесть о Петре, царевиче ордынском // История русской литературы.* М.; Л., 1946. Т. 2, ч. 1. С. 354–355.
33. *Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник.* С. 41.
34. *Насонов А.Н. Монголы и Русь.* С. 260–262; *Белякова М.М. «Повесть о Петре, царевиче ордынском».* С. 80, 81.
35. *Веселовский С. Б. Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси.* М.; Л., 1947. Т. 1. С. 378; *Каретников А.Л. Ростовская волость Святославль-Караш в эпоху Средневековья: итоги и перспективы изучения // История и культура Ростовской земли.* 2007. Ростов, 2008. С. 400–401; *Стрельников С.В. Потомки Петра Ордынского и Карашская слобода // Исследования по истории средневековой Руси: К 80-летию Юрия Георгиевича Алексеева.* М.; СПб., 2006. С. 226–228.

Таким образом, сообщение об ордынских вельможах в Ростове заслуживает доверия. Хотя мы не можем теперь установить их число и должностные функции, вполне возможно предположить, что в числе этих вельмож подразумевался и ростовский баскак. Тесная связь этой группы ордынцев с местной княжеской властью и одновременное подержание должностных отношений с Ордой (ордынские (!) вельможи), ее влияние (присутствие среди них «великих» вельмож), стремление к поддержанию сплоченности и обособленности (их собирательное название в повести, брак с выходцем из Орды) и в то же время готовность к определенной конфессиональной ассимиляции, хотя бы через выдачу замуж дочерей, создавали благоприятную межэтническую среду, посредством которой происходило проникновение высокопоставленных татарских выходцев в местный русский социум. Построение повести, предоставляемая ею историческая конкретика, сам ее дух определенно свидетельствуют о том, что между ордынскими вельможами в Ростове, среди которых можно предполагать присутствие баскака и с которыми оказывается породненным принявший православие царевич Петр, и собственно явлением православного баскачества остается уже не такое уж большое расстояние, возможно, всего один шаг.

Проданные и/или пожалованные Петру земли к его церкви могли пользоваться, как представляется, статусом экстерриториальности. «А се есть село царевое и твое, господи, купля прадѣда нашего», — говорит правнук Петра ордынскому послу Ахмылу³⁶. Вполне возможно, что это не ритуальная формула, выражающая верховное право хана на все подчиненные ему земли, а отражение реального статуса приобретенной ордынцами земли, изымаемой при переходе в их руки из княжеской юрисдикции и подлежащей ханскому суду, что мы и наблюдаем на страницах повести. Таким образом, единство членов татарской корпорации Ростовского княжества могло поддерживаться, помимо прочих факторов, максимальным, вплоть до придания права экстерриториальности, судебно-административным иммунитетом отведенных им земель, их фактической неподконтрольностью русским князьям³⁷.

36. Ленхофф Г. К истории... С. 127.

37. Осмелимся в связи с этим предложить еще одну возможную версию происхождения Повести о Петре. Потомки Петра могли не сохранить, за практической ма-

Какое место занимал сам царевич Петр в социально-политической структуре Ростовской земли? Его фигура, даже со скидкой на явную ангажированность повести, выделяется из круга обычных бояр или привилегированных вассалов типа позднейших служилых князей. Петра женят на дочери великого ордынского вельможи, что, несомненно, требовало согласия Орды и придавало этому браку особый межгосударственный статус. Петр выступает на страницах повести во многом наравне с князем. Особенно заметно это в заключенном ими обряде побратимства³⁸. Последнее обстоятельство крайне необычно для взаимоотношений между князьями и их вассалами, включая даже знатнейших бояр и подвластных князей. Обряд братания совершался в церкви, в присутствии и с благословения епископа, «яко владыцѣ братати Петра въ церкви съ княземъ». В силу этого побратимство приобретает политический, государственный и даже династический смысл³⁹, возводя ордынского выходца в ранг ближайшего советника, *alter ego* и, некоторым образом, даже соправителя князя,

лоценностью, или даже вовсе не иметь княжеских грамот на свои земли. Это косвенно подтверждается одним труднообъяснимым поворотом сюжета повести, когда Петр поначалу отказывается от предлагаемых князем жалованных грамот, почему-то ссылаясь на обычай, принятый в Орде (Там же. С. 125). Характерно, что повесть ссылается как на наличные доказательства земельных прав лишь на сам факт владения или на ханские ярлыки. В какой-то момент одного только имени хана, авторитета его грамот и послов стало недостаточно для безопасного владения землями у оз. Неро. Тогда и явилась необходимость в фиксации действительных или мнимых пожалований посредством нарративного текста.

38. БЛДР. СПб., 2006. Т. 9. С. 80; Православный собеседник. 1859. Ч. 1. С. 371; *Ленхофф Г. К истории...* С. 125. Текст Повести от слов «Князь же поимаше Петра на царьскую утеху» до «И прозвася Петръ братъ князю» (БЛДР. Т. 9. С. 78, 80) выглядят разрывающей повествование вставкой. Они не только отделяют рассказ о свадьбе Петра от сообщения о рождении его детей, делая переход к последнему синтаксически неуклюжим, но и вновь вопреки логике возвращаются к теме удержания Петра в его новом положении христианина и жителя Ростовской земли, хотя эта задача, казалось бы, только что успешно решена его женитьбой. Сама интерполяция текматически целостна и призвана отобразить апофеоз сближения между Петром и князем. Центральный сюжет этой вставки — пожалование Петру и основанной (или благоприобретенной) им церкви земельных владений и утверждение их княжескими грамотами.
39. «И сего князя дѣти зваху Петра дядею и до старости». БЛДР. Т. 9. С. 80; Православный собеседник. 1859. Ч. 1. С. 371.

потенциального опекуна его наследников. От Петра зависит поддержание хороших отношений с Ордой. К сожалению, текст повести не проясняет причины этой зависимости, однако довольно прозрачно указывает на ее существование. «Аще сей мужь, цареву племя, идетъ в Орду, и будет спона граду нашему», — говорят между собой князь и епископ; «Орда же тогда тиха бѣ и на многа лѣта. Бяху бо Петрови сладци отвѣти и добрыа обычая въ всемъ»⁴⁰. Вероятно, Петр играл роль посредника между ростовскими властями и ставкой хана или же между первыми и ордынскими «великими вельможами» в Ростове, а загадочные «сладци отвѣти и добрыа обычая» отсылают, надо думать, к дипломатическим талантам Петра и его благорасположению к интересам своего нового отечества. Это выставляет царевича своего рода постоянным поверенным князя и епископа в их отношениях с Ордой. Автор повести упоминает о том, что потомки царевича «въ Ордѣ выше их [ростовских князей — Р.И.] честь приимаху»⁴¹. Даже если счесть эти слова риторическим преувеличением, остаются веские основания полагать царевича Петра самостоятельной фигурой, от которой в значительной мере зависело поддержание дипломатического баланса между Ростовом и Ордой. Жизненная важность его услуг для Ростовского княжества заставляла князя и епископа искать расположения царевича, что гарантировало ему значительную степень независимости перед лицом ростовских властей и высокую «честь» в Орде. Судя по беспрепятственному доступу в Орду сына и внука царевича, где их ожидала помощь родственников («дядей») и благоволение хана, подобный статус был унаследован и даже упрочен (очевидно, в ущерб княжеской власти) потомками Петра, что могло явиться главной причиной их распрей с ростовскими князьями, описанных в повести. Особенно явственно самостоятельность рода царе-

40. БЛДР. Т. 9. С. 78, 80; Православный собеседник. 1859. Ч. 1. С. 369, 370; *Ленхофф Г.* К истории... С. 125. Два последних предложения относятся к той же самой вставке и были в глазах книжника каким-то образом взаимосвязаны, хотя издатель текста повести в БЛДР развел их по разным абзацам. На смысловую связь между ними указывает и союзная частица «бо».

41. БЛДР. Т. 9. С. 80; Православный собеседник. 1859. Ч. 1. С. 372; *Ленхофф Г.* К истории... С. 126.

вича Петра по отношению к ростовскому князю и епископу заметна на примере его правнука, Игната, который во время карательного татарского похода 1322 (или 1320) г. не только не следует за ростовскими князьями, бежавшими от татар, но и не колеблется поднять оружие против самого владыки, принуждая его публично изъявить покорность ханскому посланцу Ахмылу: «Наше есть племя, сродничичи»⁴². Этот эпизод, которым оканчивается повесть⁴³, отражает не столько возросшее влияние Игната в Ростове, сколько добавляет яркий заключительный штрих в нарисованный повестью коллективный портрет наследников Петра. От самого родоначальника (его побратимство с князем), через поколения сыновей и внуков (подсудность ханскому послу) вплоть до представителя четвертого колена рода (открытое противостояние светской и духовной властям Ростова) потомки Петра больше походят не на ассимилированный боярский род, не на мятежных вассалов, но скорее на пересаженный в пределы Ростовской земли имплант ордынской политической структуры, не только фактически, но и юридически неподконтрольный местным властям и сохраняющий, вопреки смене религиозной принадлежности, сознание живой связи и родового единства с татарским этносом⁴⁴.

Хотя Петр, как и его потомки, по всей видимости, никогда не исполнял должности баскака, круг его отношений и компетенций тесно переплетался с полномочиями баскаков. Достижение взаимоприемлемого баланса интересов сильнейшей и слабейшей стороны было залогом мирных отношений степных сюзеренов с подвластными ростовскими князьями, о поддержании которых свидетельствует как сама Повесть о Петре, так и летописные сообщения за последнюю треть

42. БЛДР. Т. 9. С. 82; Православный собеседник. 1859. Ч. 1. С. 374; *Ленхофф Г. К истории...* С. 127.

43. Внезапный обрыв повествования, следившего за развитием отношений между родом Петра и ростовскими князьями в продолжение четырех поколений, не позволяет, на наш взгляд, относить возникновение по меньшей мере первоначальной основы сказания ко времени позднее середины XIV в.

44. Не были ли обставленный чудесными происшествиями акт продажи-дарения земли царевичу Петру всего лишь литературной фикцией, призванной прикрыть обязательное для княжеской власти наделение землей нового представителя влиятельной татарской колонии Ростовского княжества?

XIII – начало XIV в. Царевич Петр, которого сближали с ростовскими баскаками усилия по достижению общей цели — «мирной» эксплуатации отдельно взятого русского княжества, не мог не поддерживать с ними самых тесных связей. Это лишний раз подкрепляет предположение о том, что «от великих велмож невеста», выданная замуж за Петра, могла быть дочерью одного из ростовских баскаков.

В ростовском соборном синодике имеется следующая запись: «Георгию Баскаку, Георгию Товтивилевичу и княгиням их Марии, Настасии — вечная память»⁴⁵. Некоторые авторы отождествили Георгия Баскака с упомянутым в Повести о Петре внуком ордынского царевича⁴⁶. Оснований для такого отождествления, на наш взгляд, немного. Поминальная запись не дает ни отчества баскака, ни его родства, ни каких-либо иных сведений для более или менее уверенной идентификации. Строго говоря, у нас нет даже уверенности в том, что он был баскаком именно в Ростове. Настораживает тесное соседство его имени с именем сына литовского князя Товтивила, после гибели отца, бежавшего из Полоцка в Новгород (1263 г.)⁴⁷. Никаких данных о связи его с Ростовским княжеством нет. Обратим также внимание на то, что жены обоих Георгиев названы их княгинями, а один из них действительно был потомственным литовско-полоцким князем. Вполне естественно было бы предположить, что и Георгий Баскак был сыном кого-то из русских или литовских князей⁴⁸.

45. *Конев С.В.* Синодикология. Ч. 2: Ростовский соборный синодик // Историческая генеалогия. 1995. Вып. 6. С. 106.

46. *Стрельников С.В.* Потомки Петра Ордынского и Карашская слобода. С. 226, 227; *Кузьмин А.В.* На пути в Москву: Очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII — середине XV в. М., 2014. Т. 1. С. 206; М., 2015. Т. 2. С. 209. Предположение первого из указанных авторов превращается у второго в непреклонную уверенность, никак, впрочем, не аргументированную.

47. *Пашуто В.Т.* Образование Литовского государства. М., 1959. С. 383; *Стрельников С.В.* Потомки Петра Ордынского. С. 226, прим. 21. Заметим, что *floquit* Георгия Товтивилевича, если он был современником Георгия Баскака, слишком раннее для поколения внуков Петра, который около этого времени, по относительной хронологии повести, только еще обзавелся женой.

48. С.В. Стрельников считает его крещеным татаринном, но даже не рассматривает других вариантов: *Стрельников С.В.* Потомки Петра Ордынского. С. 226.

Вся предлагаемая генеалогическая конструкция основана на сходстве (даже не совпадении) имен супруги Георгия Баскака и некоей Марфы, внесенной в синодики двух ростовских церквей под рубрикой «род преподобнаго Петра царевича»: «Лазаря, Георгия, Игнатия, князя Фомы, Петра, княгини Марфы»⁴⁹. Это поминание кардинально отличается от перечисления членов того же рода в других синодиках⁵⁰ и подозрительно совпадает в своей начальной части с поименным перечнем потомков царевича Петра в повести о нем⁵¹, что предполагает возможность перенесения данных житийной повести в рассматриваемые нами синодики. Имена, следующие за перечислением трех прямых потомков Петра, не поддаются уверенной идентификации⁵² и не находят аналогов в поминании его рода в других синодиках. Можно лишь относительно уверенно предположить, что имена, которым предшествует княжеский титул, обозначают родственни-

49. *Сазонов С.В.* Синодики надвратных церквей Ростовского архиерейского дома // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 1992. Вып. 3. С. 142, 149.

50. *Стрельников С.В.* Потомки Петра Ордынского. С. 224, 225.

51. Имя его сына Лазаря приведено лишь в некоторых списках, напр.: *Буслаев Ф.И.* Исторические очерки... Т. 2. С. 162; *Ленхофф Г.К.* Истории... С. 116.

52. С.В. Стрельников отождествляет второго Петра с основателем рода Чириковых, фигурирующим в их родословной росписи как сын Игнатия «Петр, почал писатца Чириков»: *Стрельников С.В.* Потомки Петра Ордынского. С. 227. К сожалению, эта легенда выглядит довольно проблематично. Имена предков Петра Чирикова совпадают с данными Повести о Петре царевиче и могут быть литературным заимствованием. Обстоятельства выезда самого основателя рода полностью соответствуют легенде, изложенной в повести («житии»), на которое прямо ссылаются податели родословия (см.: *Ленхофф Г.К.* вопросу о чингисидской идентичности Петра, царевича Ордынского, и его рода // Русь в XIII–XV веках. Новые открытия в области археологии и истории. М., 2021. С. 61). Кроме того, сына Игнатия, который активно действовал в 1322 г., трудно представить участником Куликовской битвы 1380 г. (см.: *Стрельников С.В.* Потомки Петра Ордынского. С. 227) по причине преклонного возраста. Наконец, легенда никак не объясняет происхождение патронимического прозвища Чириков: нет никаких причин считать, что Игнатий или кто-то из его предков звался Чириком. Возможно здесь имел место распространенный случай «подстегивания» имени родоначальника к более древнему родословию. Заметим, что роспись другой ветви рода, ссылаясь на утрату документов, помнит только: «Петръ Игнатьевичъ породы татарские» — без указания на царский корень (цит. по: *Ленхофф Г.К.* вопросу... С. 61). Этого Петра, видимо, и следует считать бесспорным родоначальником Чириковых.

ков царевича по свойству⁵³, ибо ни здесь, ни в других синодиках, ни в повести сам Петр и его потомки по мужской линии не именуется князьями. А если так, то «княгиня Марфа» не может быть супругой внука Петра, названного здесь же без княжеского титула. Возможно, она была женой «князя Фомы», с именем которого ее имя образует очевидную пару.

Таким образом, благодаря введению в научный оборот ростовского соборного синодика, на свет явилось, как можно думать, имя ранее не известного крещеного баскака⁵⁴, действовавшего предположительно в третьей четверти XIII в. где-то в пределах Новгородской земли или, шире, в северных русских землях. К сожалению, происхождение его в настоящее время не может быть установлено. Невозможно, по нашему мнению, согласиться с его отождествлением с тезоименным внуком царевича Петра.

III

Еще одно чрезвычайно ценное известие о функционировании баскачества на Руси дает агиография. В житийных материалах Волоколамского патерика, посвященных преп. Пафнутию Боровскому (1394–1477), имеется следующая запись: «Сиа исповѣда ученикомъ своимъ отецъ Пафнутие, слышавъ от тѣхъ, иже постави Батый властели по русскимъ градомъ, иже “баскаки” нарицаеть тѣхъ языка рѣчь, и отъ дѣда своего Мартина слыша, иже и той бяше баскакъ въ граде Боровъсцѣ. Егда же убиень бысть безбожный Батый секирою богоданною и на конѣ, отъ Бога посланнѣмъ, отъ угорьскаго краля Владислава, егоже крести святыи Сава Сербский от латыньскыя въ православную вѣру, и тогда вси держатели Русския земли избивати повелѣша Батыевы властели, поставленья по градомъ, аще который не крестится. И мнози отъ нихъ крестишася. Тогда и отца Пафнутия дѣдъ крестися и наречень бысть

53. Ср.: Кузьмин А.В. На пути в Москву. Т. 1. С. 207.

54. Остается, правда, возможность того, что Баскак было просто прозвищем этого Георгия. Найти возражения против такой интерпретации довольно трудно.

“Мартинъ”»⁵⁵. Далее мы будем называть этот небольшой текст «повестью о Мартине». Похожий рассказ присутствует и в Житии Пафнутия Боровского, но без упоминания Боровска⁵⁶. То, что дед преподобного назван именно баскаком Боровска («иже и той бяше баскак в граде Боровьске») только в тексте Волоколамского патерика, может дать повод к сомнениям относительно достоверности существования боровских баскаков⁵⁷.

Коснемся вначале фактической стороны сообщаемых «повестью о Мартине» сведений о баскаке и его крещении.

Пафнутий Боровский родился ок. 1394 г.⁵⁸ Значит, его дед должен был появиться на свет не позднее 1358–1360 гг. и не раньше начала 20-х годов XIV в., так как ко времени пострижения Пафнутия (1414 г.), т. е. в то время, когда последний имел возможность слушать его рассказы, ему не могло быть более 90 лет. Скорее можно думать, что будущий игумен слышал рассказы деда еще в детстве или отрочестве, т. е. в первое десятилетие XV в., когда его деду было, скажем, лет 60–70. Поэтому время рождения Мартина можно усредненно датировать 1340–1350 гг.

Такая дата рождения Мартина, взятая в расширенном диапазоне (ок. 1340-х гг.), предполагает его возможную активность в качестве баскака в еще более продолжительном интервале ок. 60–90-х гг. XIV в. В поиске релевантных событий, соответствующих указанному времени,

55. Волоколамский патерик // Древнерусские патерики / Изд. подг. Л.А. Ольшевская, С.Н. Травников. М., 1999. С. 82, 187 (перевод).
56. Житие преподобного Пафнутия Боровского, писанное Вассианом Саниным / Изд. А.П. Кадаубовский // Сб. Ист.-фил. о-ва при ин-те кн. Безбородко в Нежине. Нежин, 1899. Т. 2. Отд. 2. С. 117–118.
57. Заметим, что наиболее раннее биографическое известие о Пафнутии, составленное вскоре после его смерти и внесенное в летописные своды 1477 и 1479 гг., не содержит никаких сведений о его деде, хотя и упоминает об отце (ПСРА. М.; Л., 1963. Т. 28. С. 140–141, 311 (из свода 1477 г.); Л., 1949. Т. 25. С. 310 (из свода 1479 г.)). Правда, это может объясняться краткостью известия.
58. Эта дата вычисляется вычитанием возраста игумена на момент кончины из года его смерти. Послания Иосифа Волоцкого / Подг. текста А.А. Зиминой и Я.С. Лурье. М.; Л., 1959. Комментарий. С. 270; *Зимин А.А.* Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV–XVI в.). М., 1977. С. 43; ср.: ПСРА. СПб., 1859. Т. 8. С. 183–184; СПб., 1911. Т. 22, 1-я пол. С. 461, 495–496; *Хрущов И.П.* Исследование о сочинениях Иосифа Санина, преп. игумена Волоцкого. СПб., 1868. С. XXV.

внимание исследователя привлекают в первую очередь события смутного времени в Орде, именуемого «великой замятней». Начавшись в 1357 г. с гибелью хана Джанибека, ожесточенная борьба за власть, постепенно обостряясь, привела в начале 60-х гг. XIV в. к распаду некогда единой степной империи потомков Джучи и Бату. В таком состоянии улус Джучи продолжал находиться вплоть до 1380 г., когда последовало его временное объединение Тохтамышем⁵⁹. Хотя совпадение, обнаруженное вычислением средних дат, и не является само по себе обязывающим, историк не может игнорировать его в поисках исторического фона, на котором могли развиваться описанные в Житии Пафнутия и Волоколамском патерике события. Направленный против ордынских чиновников переворот не мог завершиться успехом и остаться безнаказанным в условиях сильной власти в Орде. Напротив, значительное ее ослабление создавало благоприятные предпосылки для успеха антиордынского выступления. Такое приурочение становится еще более вероятным, если принять во внимание, что крещение баскака в Боровске, с учетом даты рождения его внука, не могло произойти позднее 1376–1378 гг.⁶⁰

В качестве возможной параллели можно привести избиение татарских послов в Нижнем Новгороде в 1374 г. В том же году князь Владимир Андреевич заложил крепость и монастырь-предградье в Серпухове, а великому князю Дмитрию Ивановичу «бысть розмирие с татараы и Мамаем», вслед за чем был созван большой княжеский съезд в Переяславле⁶¹. Возможно, совпадение этих событий не было случайным, и инцидент, подобный нижегородскому, пусть и не столь значительный, мог около того же времени случиться и в Боровске. Кроме

59. Реконструкцию событий «замятни» см.: Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960. Гл. 4; Григорьев А.П. Золотоордынские ханы 60–70-х годов XIV в.: Хронология правлений // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Л., 1983. Вып. 7; и др.

60. На это обратил внимание А.В. Кузьмин, относивший крещение Мартина ко временам ордынской смуты (Кузьмин А.В. На пути в Москву: Очерки генеалогии. Т. 2. С. 248). А.И. Алексеев приурочил это событие — без каких-либо комментариев — предположительно к 50–60-м гг. XIV в. (Алексеев А.И., Романова А.А., Зеленина Я.Э. Пафнутий (прп., Боровский) // Православная энциклопедия. М., 2019. Т. 55. С. 95).

61. ПСРА. Т. 11. С. 20, 21; М., 2000. Т. 15. [Изд. 3-е]. 1-я паг. Стб. 106–108; СПб., 1913. Т. 18. С. 114, 115; ср.: Т. 8. С. 21; Т. 25. С. 189; и др.

того, собрание князей, несомненно связанное с «розмирием» и началом активной борьбы с Мамаем, очень напоминает тот совет русских «держателей», о котором говорится в Житии и Волоколамском патерике. Не исключено, что на съезде в Переяславле обсуждались какие-то меры, направленные против официальных представителей Орды, еще остававшихся в русских княжествах. Во всяком случае, участники совещания не могли не высказывать свое отношение к нижегородскому инциденту и, судя по дальнейшему ходу событий, по меньшей мере не осудили нападение на послов.

Все это делает события 1374 г. очень вероятным историческим прототипом рассказа о баскаках в «повести о Мартине». Надо полагать, что на каком-то этапе этот рассказ подвергся «передатировке» под влиянием исторической традиции о более раннем эпизоде борьбы Северо-Восточной Руси с татарами.

Однако для того чтобы принять предлагаемые «повестью о Мартине» фактические сведения, необходимо убедиться, посредством источниковедческой критики, в достоверности самого ее рассказа.

«Повесть о Мартине» характеризуется присутствием в нем двух хорошо заметных текстологических и хронологических пластов. Один из них — рассказ о деде-баскаке и его крещении, второй — повествование об избииении татарских «властелей» после смерти Батюга, несущее на себе явный отпечаток книжного происхождения. Текстологический анализ этого комбинированного известия и его источников был проделан нами в отдельной работе⁶².

«Повесть о Мартине» Волоколамского патерика отличается от близкой к ней по содержанию житийной повести прежде всего упоминанием Боровска. Сопоставление обоих текстов привело нас к выводу, что это упоминание относится к слою уникальных дополнений автора Волоколамского патерика к тексту первоначальной редакции Жития⁶³. Заслуживают ли доверия эти дополнения?

62. *Иглесиас-Алонсо Р.Ф.* Крещеный баскак в Боровске: исторический факт и легенда в восприятии современников и потомков // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Вып. 5 (103) [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/s207987840015707-6-1/> (дата обращения: 15.08.2022).

63. *Иглесиас-Алонсо Р.Ф.* Крещеный баскак в Боровске. § 8.

Досифей Топорков, с чьим именем связывают составление Волоколамского патерика, был племянником («братаничем») Иосифа Волоцкого и, как многие другие члены семьи Саниных, стал монахом Пафнутьева Боровского монастыря еще при жизни основателя или вскоре после его кончины⁶⁴, что следует из его собственных слов в тексте патерика⁶⁵. Досифей мог быть непосредственным слушателем «повестей» старца или узнать о них от другими монахов (включая собственных дядьев), слышавших рассказы настоятеля. Следовательно, свидетельства патерика должны пользоваться приблизительно равным авторитетом с показаниями жития. Обе версии «повести о Мартине» со всеми их легендарными и недостоверными подробностями восходят, скорее всего, к устным рассказам Пафнутия.

Остается ответить на вопрос, насколько достоверен сам рассказ Пафнутия о его деде. Прежде всего, нужно учесть, что Пафнутий слышал рассказы деда, возможно, еще в раннем детстве, а пересказывал их ученикам, быть, может, в глубокой старости. Даже если начал он свои «повести» еще в средних летах (Пафнутий основал свой монастырь в 1444 г., ранее он не меньше десяти лет был игуменом Боровского Высокого (Высоцкого) монастыря⁶⁶), в памяти слушателей, находившихся при старце до самой его смерти, наверняка отложились преимущественно версии рассказов, услышанные ближе к концу его жизни. Рассказы, услышанные от Пафнутия спустя десятилетия после того времени, когда он мог их слышать, и записанные (во всяком случае, в ныне известном виде) через несколько десятилетий после его смерти, не могут считаться безусловно достоверными. Воспоминания

64. Ольшевская Л.А. История создания Волоколамского патерика, описание его редакций и списков // Древнерусские патерики / Изд. подг. Л.А. Ольшевская, С.Н. Травников. М., 1999. С. 321–327; ср.: Зимин А.А. Народные движения 20-х гг. XIV в. и ликвидация системы баскачества в Северо-Восточной Руси // Известия АН СССР. Серия истории и философии. 1952. Т. 9. № 1. С. 42, 48, прим. 55.

65. Волоколамский патерик. С. 82–83, 95.

66. ПСРА. Т. 28. С. 140–141, 311; Т. 25. С. 310; Т. 22, 1-я пол. С. 495–496, ср. с. 461; Хрущов И.П. Исследование... С. XXV; Послания Иосифа Волоцкого. Комментарии. С. 270; Зимин А.А. Крупная феодальная вотчина... С. 43; он же. Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. М., 1991. С. 155 и прим. 64; Алексеев А.И. и др. Пафнутий... С. 96.

ранней юности неизбежно должны были терять одни и приобретать другие детали, получать новые акценты и коннотации и т. п., постепенно трансформируясь под влиянием жизненного опыта, приобретенных знаний, морально-дидактических установок. На них должны были также оказать влияние и представления о прошлом, полученные из письменных и устных источников. Этим вторичным материалом и был сформирован тот исторический контекст, который позволил создать из обрывочных и по-своему понятых детским умом непосредственных впечатлений от услышанного связное и осмысленное повествование. Более того, этот усвоенный Пафнутием в зрелом возрасте исторический материал преобразовал само содержание «повести о Мартине», придав ей отчетливо гибридный характер.

«Повесть о Мартине» включает рассказ о боровском баскаке в более пространственный текст, обнаруживающий близкое сходство с сообщением Никоновской и некоторых других летописей об антиордынском восстании в русских городах в 1262 г.⁶⁷

Основная редакция Никоновской летописи (список Оболенского) была составлена в конце 20-х гг. XVI в.⁶⁸ Следовательно, теоретически она могла повлиять только на текст Волоколамского патерика, но не на Житие Пафнутия, написанное никак не позже 1515 г. (год смерти его автора Вассиана Санина). В то же время, как было нами установле-

67. ПСРА. Т.10. С. 143. Также см.: *Иглесиас-Алонсо Р.Ф.* Крещеный баскак в Боровске. § 17. Ю.В. Кривошеев проводит также параллель между рассказом о Мартине с сообщением северных летописей (в частности Устюжской) о крещении под страхом смерти татарского «ясащика» на Устье в 1262 г. или около этого времени (*Кривошеев Ю.В.* Русь и монголы: Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. 3-е изд. СПб., 2015. С. 198–199; ПСРА. Л., 1982. Т. 37. С. 30, 70 и др.). Данное известие представляет собой местное предание легендарного характера, связанное с храмовым строительством, по-разному датированное в разных летописях и, видимо, лишь задним числом приуроченное к общерусским событиям 1262 г. (*Сербина К.Н.* Устюжское летописание XVI–XVIII вв. Л., 1985. С. 42, 67, 81). Маловероятно, что это северное предание с его летописной датой было известно агиографам Пафнутия или ему самому и могло как-то повлиять на датировку ими крещения Мартина. Ни Батый, ни баскаки в нем не упомянуты. С другой стороны, содержащиеся в нем сведения (имя Александра Невского как инициатора восстания, точная дата) не нашли отражения в Житии и Волоколамском патерике.

68. *Клосс Б.М.* Летопись Никоновская // *Словарь книжников...* Вып. 2. Ч. 2. С. 49.

но в первой части упомянутой статьи, известие о Батыевых баскаках и их избиении должно было читаться уже в тексте Жития. По этой причине Никоновскую летопись как источник данного известия следует исключить.

Текстологический анализ показал, что наиболее ранним протографом Никоновской летописи, соединяющим летописный материал о восстании 1262 г. с некоторыми подробностями, которые отсутствуют в более ранних летописях, но читаются в очень близкой редакции в агиографическом повествовании о баскаках, является так называемый Хронограф 1512 г., составление которого относят теперь к 1516–1522 гг. и в работе над которым, вероятно, принимал участие Досифей Топорков, создатель Волоколамского патерика⁶⁹. Сообщение Хронографа выглядит следующим образом: «В лѣто 770 *совѣтъ бысть на бесермены по всѣмъ градомъ Рускимъ, ихже посажа властеля Батый по всѣмъ градомъ. И по убьеніи злочестиваго Батыя повелѣша князи Рустии, елиці не восхотятъ креститися, сихъ избивати. И мнози отъ нихъ крестишася*» (точные совпадения с Никоновской летописью выделены курсивом).

Данное сообщение, не совпадая полностью ни с соответствующим известием Жития, ни с Волоколамским патериком, имеет характерные сходения с каждым из них. Из этого можно сделать вывод, что за хронографическим рассказом стоит какой-то общий прототип, одновременно являющийся источником обоих агиографических сообщений⁷⁰. По нашему предположению, этим общим источником была одна из «Повестей Пафнутия», не сохранившаяся в самостоятельном и целом виде. Эта повесть должна была представлять собой оригинал той самой «Повести о Мартине», которую мы читаем в Волоколамском патерике⁷¹.

Пафнутий Боровский имел склонность к полуполюгендарным рассказам на исторические темы, представлявшие для него важность не столько фактической стороной, сколько заключенной в них моралью

69. *Иглесиас-Алонсо Р.Ф.* Крещеный баскак в Боровске. § 18, 2.

70. Там же. § 21.

71. Там же. § 22.

или чудесным событием⁷². Среди них следует особо отметить повествование об Архангеле Михаиле, преградившем Батыю путь к Новгороду, и о гибели Батыею от «секиры богоданной» в единоборстве с обращенным в православие венгерским королем⁷³. Очевидно, Пафнутий располагал целым циклом легенд, связанных с именем Батыею. Тем легче для него было связать, на каком-то этапе, воспоминания о рассказах своего деда с той же самой исторической или скорее мифологической фигурой, дабы придать этим рассказам большую значимость и включить их в свой излюбленный цикл исторических легенд о Батыею. Возможно, до Пафнутия дошел и какой-то фольклорный отголосок событий 1262 г. (вроде уже упомянутого устюжского), отождествленный им с рассказами Мартина. Странно лишь то, что ни Вассиана, ни Досифея не смутило, несмотря на их видимую причастность книжной учености, вопиющее противоречие в хронологии описываемых событий. Очевидно, авторитет старца и учителя заставил их побороть сомнения и передать его рассказ дословно.

Потому ли, что эти сказания «Батыею цикла» были слишком короткими, или потому, что они заключали в себе мало ценного для монашеского наставления, но в итоге они не были помещены вместе с другими «Повестями отца Пафнутия» в Патерике и Житии, а были использованы при написании вводной части соответствующих агиографических произведений, причем автор Волоколамского патерика использовал их с большей полнотой. Судя по значительной текстуальной близости рассказа о баскаках, оба автора пользовались уже записанным источником.

72. Напр., см.: Волоколамский патерик. С. 95–97.

73. Там же. С. 82; ср.: ПСРА. Т. 22, 1-я пол. С. 400–401. Последняя является краткой переработкой «Повести о убиении Батыею», возникшей не позднее 1477 г. и, возможно, принадлежащей перу Пахомия Логофета (*Горский А.А.* «Повесть о убиении Батыею» и русская литература 70-х годов XV века // *Средневековая Русь*. М., 2001. Ч. 3. С. 191–221, особенно см. С. 211–212). Завершается повесть избиением венграми татар, не пожелавших креститься (Там же. С. 221; ПСРА. Т. 22, 1-я пол. С. 401), причем ее краткий пересказ автором Хронографа 1512 г. заметно сближается с его же рассказом о восстании 1262 г. (замена слова «варварь» на «бесермень» и «погубляху» на «избиша»). Эта сюжетная параллель предполагает возможность влияния «Повести о убиении Батыею» на возникновение «Повести о Мартине», вероятно, еще на стадии ее устного прототипа.

Почему же в таком случае упоминание о баскаках и имя Мартина не попали в Хронограф и оказались тем самым вычеркнутыми из летописной традиции? Принципы, которыми руководствовались редакторы летописных сводов при обработке и сокращении своих источников, не всегда поддаются логическому объяснению с точки зрения современного историка. Возможно, что редактора Хронографа заставило отказаться от упоминания о деде Пафнутия явное несоответствие дат. Столкнувшись с дилеммой: отнести известие своего источника к эпохе, отстоящей на два поколения от времени жизни игумена, отбросив содержащееся в ней хронологическое указание, или, наоборот, воспользоваться последним, устранив упоминание о деде Пафнутия, — книжник предпочел второй вариант, видимо, убедившись на основании схожей летописной статьи 1262 г. в правильности отнесения повести ко временам Батыея. Таким образом, полуполюгендарный и контаминированный рассказ старца обрел не только статус исторического факта, но и свою «точную дату», утратив при этом ценную информацию собственно мемуарного характера.

Сочетание в «повести о Мартине» устно-мемуарного и книжно-ученого слоев, а также некоторого, не вполне определенного объема редакторской правки неизбежно рождает сомнение в том, говорил ли сам Пафнутий Боровский о баскаках. Не является ли упоминание о них всего лишь интерпретацией составителем «повести» подлинных слов старца о своем деде и его «коллегах»? Такую возможность нельзя исключить. Не позднее XV в. уже существовало стереотипное представление о баскаках, некогда сидевших по «всем» русским городам. Слово о житии и преставлении Дмитрия Донского⁷⁴ содержит рассказ (очевидно, апокрифический) об угрозе Мамаея, как нового Батыея, посадить «баскаки» «по всем городом руским», символизирующей полное восстановление татарского владычества над Русью⁷⁵.

Таким образом, проведенный анализ не может подтвердить достоверность свидетельства о существовании в XIV в. баскаков в Боровске. Этому препятствует многослойный состав «повести о Мартине»,

74. Это произведение датируется большинством исследователей концом XIV – серединой XV в. (Словарь книжников... Вып. 2. Ч. 2. С. 405).

75. ПСРЛ. Т. 4. Вып. 2. Ч. 1. С. 353.

контаминация в ней устного и книжного, мемуарного и назидательного, оригинального и редакторского пластов, а также свидетельств двух разных исторических эпох, повествующих о сходных и потому трудноразличимых событиях. Помимо того, на эпизода, связанный с избиением и крещением «баскаков», могла повлиять созданная около середины XV в. «Повесть о убиении Батя».».

Вместе с тем, уникальные показания Волоколамского патерика, даже будучи поставлены под сомнение, не могут быть убедительно опровергнуты. Возможно, какое-то антитатарское выступление, подобное нижегородскому, действительно имело место в пределах Серпуховско-Боровского княжения ок. 1374 (?) г. Это событие могло послужить основой семейной легенды и фактологической канвой «повести о Мартине», наложившись позднее на «историческую память» о восстании 1262 г.⁷⁶

В своей предыдущей статье, высказав сомнения в достоверности предания о баскаках, мы выдвинули предположение, что дед Пафнутия Боровского мог быть ордынским послом или иным должностным лицом, служивым татаринном, осевшим и окрещенным в Боровске, или же потомком баскака более раннего времени⁷⁷. Нам представлялось, в частности, весьма странным, что во второй половине XIV в. в маленьком удельном Боровске мог пребывать татарский баскак, при том что где-то поблизости находились еще и другие баскаки, рассказы которых слышал юный Пафнутий. Однако пример баскаков Червленого Яра, который будет рассмотрен нами в заключительной части статьи, и, возможно, Тулы убеждает в том, что низовые страты баскачества могли сохраняться в некоторых районах, зависимых от Орды, достаточно долго. Характерно, что оба указанных региона либо принадлежали ранее Рязанскому княжеству (Тула), либо находились в зоне рязанской демографической и церковно-политической экспансии (Червленный Яр). Боровск также был ранее рязанским владением⁷⁸, и на его территории могла существо-

76. Полулегендарным отзвуком его является, по-видимому, и рассмотренное выше сообщение Устюжской летописи.

77. *Иглесиас-Алонсо Р.Ф.* Крещеный баскак в Боровске. § 27.

78. Боровск отошел от Рязанского княжества к Москве в 40–50-е гг. XIV в., очевидно, при Иване II Красном (1353–1359) (Духовные и договорные грамоты вели-

вать подобная же баскаческая организация, представленная в данном случае городскими баскаками (даругами). Правда, у нас нет данных о выходе Боровска из-под власти Рязани до перехода его к Москве, да и к окраинным территориям причислить его довольно трудно. Но ведь нам совершенно неизвестна организация рязанских земель под верховной властью Золотой Орды, с которой Рязань, по всеобщему признанию, поддерживала особенно тесные связи. Возможно, баскаки присутствовали не только в столице Рязанской земли (что также осталось вне поля зрения наших крайне скудных источников по истории Рязанского княжества), но и в важнейших рязанских городах-крепостях. Лишь утрата почти всех исторических свидетельств делает пример Боровска, случайно сохранный рассказом Пафнутия, по видимости уникальным.

(Окончание следует)

Сокращения

БЛДР — Библиотека литературы Древней Руси

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей

ТОДРА — Труды Отдела древнерусской литературы

Библиография

Алексеев А.И., Романова А.А., Зеленина Я.Э. Пафнутий (прп., Боровский) // Православная энциклопедия. М., 2019. Т. 55. С. 94–105.

ких и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. С. 15, ср. с. 29). Не позднее 1378 г. он был передан великим князем Дмитрием Ивановичем князю Владимиру Андреевичу (Там же. С. 31). *Terminus post quem* этого пожалования (кроме бесспорной даты — 1359 г.) определить затруднительно ввиду особенностей текста и физической сохранности двух наиболее ранних докончаний князей-кузенов (Там же. № 5, 7). Обладая детинцем площадью 1,8 га (крепость в Серпухове занимала «чуть более 3 га»), Боровск был хотя и небольшим, но по масштабам Верхнеочья довольно значительным городом (Мазуров А.Б., Никандров А.Ю. Русский удел эпохи создания единого государства: Серпуховское княжение в середине XIV – первой половине XV вв. М., 2008. С. 43, 82). Боровск мог быть столицей московского удела до переноса ее в Серпухов.

Арістов В. Як не ходив на Галич князь Ізяслав у 1250-х роках // Academia. Terra Historiae. Студії на пошану Валерія Смолія. Київ, 2020. Кн. 2. С. 447–462.

Белякова М.М. «Повесть о Петре, царевиче ордынском» в историко-литературном контексте (к вопросу о датировке произведения) // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 1993. Т. 46. С. 74–87.

Будовниц И.У. Общественно-политическая мысль Древней Руси: XI–XIV вв. М., 1960. *Буслаев Ф.И.* Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. 2.

Веселовский С. Б. Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947. Т. 1.

Войтович Л.В. Галицько-Волинське князівство і королівство Русі та монголи // Проблеми історії війн і військового мистецтва. Львів, 2019. Вип. 2. С. 45–146.

Войтович Л.В. Галицько-волинські етюди. Біла Церква, 2011.

Войтович Л.В. Галич у політичному житті Європи XI–XIV століть. Львів, 2015.

Войтович Л.В. Княжа доба: портрети еліти. Біла Церква, 2006.

Галицько-Волинская летопись: Текст. Комментарий. Исследование / Ред. Н.Ф. Котляр. СПб., 2005.

Галицько-Волинський літопис: Дослідження. Текст. Коментар / Ред. М.Ф. Котляр. Київ, 2002.

Гальперин Ч. Татарское иго: Образ монголов в средневековой России. Воронеж, 2012.

Горский А.А. «Повесть о убиении Батые» и русская литература 70-х годов XV века // Средневековая Русь. М., 2001. Ч. 3. С. 191–221.

Григорьев А.П. Золотоордынские ханы 60–70-х годов XIV в.: Хронология правлений // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Л., 1983. Вып. 7.

Григорьев А.П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам: Источниковедческий анализ золотоордынских документов. СПб., 2004.

Грушевський М.С. Історія України-Руси. Торонто, 1954. Т. 3.

Грушевський М.С. Хронологія подій Галицько-волинської літописи // Записки наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1901. Т. 41.

Егоров В.А. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985.

Ждан М.Б. Україна під пануванням Золотої Орди // Український історик. 1970. № 01-03. С. 82–94.

Зимин А.А. Витязь на распутье: Феодалная война в России XV в. М., 1991.

Зимин А.А. Крупная феодалная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV–XVI в.). М., 1977.

Зимин А.А. Народные движения 20-х гг. XIV в. и ликвидация системы баскачества в Северо-Восточной Руси // Известия АН СССР. Серия истории и философии. 1952. Т. 9. № 1. С. 60–65.

Зубрицкий Д. История древнего Галичско-русского княжества. Львов, 1855.

Иглесиас-Алонсо Р.Ф. Крещеный баскак в Боровске: исторический факт и легенда в восприятии современников и потомков // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Вып. 5 (103) [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/s207987840015707-6-1/> (дата обращения: 15.08.2022).

Камалов И.Х. Золотая Орда и русский улус (татарское влияние на Россию) / Пер. с турец. И.М. Миргалеев. Казань, 2016.

Каретников А.Л. Ростовская волость Святославль-Караш в эпоху Средневековья: итоги и перспективы изучения // История и культура Ростовской земли. 2007. Ростов, 2008. С. 398–410.

Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1988.

Конев С.В. Синодология. Ч. 2: Ростовский соборный синодик // Историческая генеалогия. 1995. Вып. 6. С. 95–106.

Котляр М.Ф. Данило Галицкий. Біографічний нарис. Київ, 2002.

Котляр Н.Ф. Галицко-Вольнская летопись (источники, структура, жанровые и идейные особенности) // Древнейшие государства Восточной Европы. 1995 год. М., 1997. С. 80–165.

Кривошеев Ю.В. Русь и монголы: Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. 3-е изд. СПб., 2015.

Кузьмин А.В. На пути в Москву: Очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII — середине XV в. М., 2014. Т. 1.; М., 2015. Т. 2.

Кучкин В.А. Летописные рассказы о слободах баскака Ахмата // Средневековая Русь. Вып. 1. М., 1996.

Ленхофф Г. К истории Петра, царевича ордынского, и его ростовской вотчины // Средневековая Русь. М., 2020. Вып. 14. С. 97 – 128.

Ленхофф Г. К вопросу о чингисидской идентичности Петра, царевича Ордынского, и его рода // Русь в XIII–XV веках. Новые открытия в области археологии и истории. М., 2021. С. 57–65.

Мазуров А.Б., Никандров А.Ю. Русский удел эпохи создания единого государства: Серпуховское княжение в середине XIV – первой половине XV вв. М., 2008.

Маслова С.А. Баскачская организация на Руси: Время существования и функции // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 1. С. 27–40.

Молчановский Н. Очерк известий о Подольской земле до 1434 г. Киев, 1885.

Насонов А.Н. Монголы и Русь. История татарской политики на Руси // Он же. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. Историко-географическое исследование; Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. СПб., 2006.

Ольшевская Л.А. История создания Волоколамского патерики, описание его редакций и списков // Древнерусские патерики / Изд. подг. Л.А. Ольшевская, С.Н. Травников. М., 1999. С. 316–350.

Очерки истории СССР. М., 1953. Т. 3: Период феодализма (IX–XV вв.). Ч. 1.

Пашуто В.Т. Образование Литовского государства. М., 1959.

Пашуто В.Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950.

Пилипчук Я.В. Эмир Дмитрий. Улус Джучи и Центрально-Восточная Европа в XIV веке // Золотоордынская цивилизация. 2014. № 7. С. 294–306.

Почекаев Р.Ю. Батый. Хан, который не был ханом. М.; СПб., 2007.

Сазонов С.В. Синодики надвратных церквей Ростовского архиерейского дома // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 1992. Вып. 3. С. 142–149.

Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960.

Сербина К.Н. Устюжское летописание XVI–XVIII вв. Л., 1985.

Скрипиль М. О. Повесть о Петре, царевиче ордынском // История русской литературы. М.; Л., 1946. Т. 2, ч. 1. С. 354–355.

Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1; Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2.

Стефанович П. Политическое развитие Галицко-Волынской Руси в 1240—1340 гг. и отношения с Ордой // Российская история. 2019. № 4. С. 116–134.

Стрельников С.В. Потомки Петра Ордынского и Карашская слобода // Исследования по истории средневековой Руси: К 80-летию Юрия Георгиевича Алексея. М.; СПб., 2006. С. 223–229.

Хрусталева Д.Г. Русь от нашествия до ига (30–40 гг. XIII в.). СПб., 2008.

Хрущов И.П. Исследование о сочинениях Иосифа Санина, преп. игумена Волоцкого. СПб., 1868. С. XXV.

Черепнин Л.В. Монголо-татары на Руси (XIII в.) // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977.

Черкас Б.В. Західні володіння Улусу Джучи: політична історія, територіально-адміністративний устрій, економіка, міста (XIII–XIV ст.). Київ, 2014.

Юсупович А. «На двое будушу». Баскаки в Галицком княжестве в XIII в. // Князівства Галицької і Волинської земель в міжнародних відносинах XI–XIV століть. Краків, 2012. С. 86–90.

Dąbrowski D. Daniel Romanowicz Król Rusi (ok. 1201–1264). Biografia polityczna. Kraków, 2012.

Dąbrowski D. Król Rusi Daniel Romanowicz. O ruskiej rodzinie książęcej, społeczeństwie i kulturze w XIII w. Kraków, 2016.

Orthodox Baskaks: a Phenomenon of the Frontier Zone between the Lands of Rus' and the Tatar Horde(s)

Ricardo Iglesias

Institute of World History of Russian Academy of Sciences

riglesias@mail.ru

Abstract. The article comprehensively examines the phenomenon of Orthodox baskakdom, its chronology, the circumstances of its appearance, and regional features. Particular attention is paid to controversial issues and ambiguous interpretations of facts and events. There is given a detailed study of the early appearance of baskak in the Galich Ponizye (Bakota). The paper shows the significance of the Tale of Tzarevich Peter of the Horde for the study of the instruments of influence of the Golden Horde in the Russian principalities and possible parallels with the Baskaks. It also gives an assessment of the figure of Georgiy Baskak, recently introduced into scientific circulation. This author clarifies his previously drawn conclusions about the possibility of the existence of baskaks in Borovsk. There are also substantiated the new geographic boundaries of Chervleny Yar (in the continuation of the article).

Keywords: Baskaks, Bakota, Ponizye, Miley, Tzarevich Peter of the Horde, the Golden Horde, Borovsk, Chervleny Yar, buffer zones